

ХРИСТИАНСКИЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА И ФОРМИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

О. Б. Дёмин

Дьомін, О. Б. Християнські візантійські засади діяльності Костянтина-Кирила та формування слов'янської писемності

В статті обґрунтовується пріоритетність кирилиці над глаголицею. Основою кириличної азбуки стали християнські та візантійські норми та принципи життя і діяльності Костянтина-Кирила.

Ключові слова: Костянтин-Кирил, Мефодій, кирилиця, Візантійська імперія.

Дёмин, О. Б. Христианские византийские основы деятельности Константина-Кирилла и формирование славянской письменности

В статье обосновывается приоритетность кириллицы в сравнении с глаголицей. Основой кириллической азбуки стали христианские и византийские принципы и нормы жизни и деятельности Константина-Кирилла.

Ключевые слова: Константин-Кирилл, Мефодий, кириллица, Византийская империя.

Dyomin, O. B. Byzantine Christian bases of activity of Constantine and Appearance of the Slavic script

The article explains the priority of the Cyrillic alphabet. Its basis became Christian and Byzantine principles and standards of the life and activity of Constantine-Cyril.

Keywords: Constantine-Cyril, Methodius, Cyrillic alphabet, Byzantine Empire.

Кирилло-мефодиевская проблематика и в начале XXI столетия остается столь же актуальной, как и ранее. И так же сложность вопроса заключается в том, что ранние, точно датированные памятники славянской письменности отстают от даты создания азбуки на десятилетия и столетия. Поэтому соображения о том, что предложили Константин-Кирилл и Мефодий византийскому двору и моравским представителям, кириллицу или глаголицу, носят во многом умозрительный характер. В то же время, основными источниками изучения раннего этапа появления славянской письменности остаются те же документы, что и ранее: главным образом, тексты „Житие Константина“ и „Житие Мефодия“. В связи с этим, перед исследователями встает проблема возможности, при таких обстоятельствах, используя традиционные источники, дать ответ на основной вопрос о первичности появления кириллицы или глаголицы.

Не отрицая значение филологических методов, система доказательств может быть расширена путем привлечения исторических и информационных методик изучения материала. Такой подход позволил автору обосновать первичность азбуки, впоследствии получившей название кириллицы, относительно глаголицы¹. Помимо источниковедческого анализа, в первую очередь, перспективны те методы, которые используются в теории информации, основные положения которой были разработаны К. Шенноном более 60-ти лет тому назад. Хотя он сам утверждал, что теория информации неприложима ко всем наукам, и призывал к осторожности², ряд положений теории нашел широкое применение в гуманитарных науках, в частности, и в лингвистике.

При анализе текстов особую важность имеют выводы К. Шеннона относительно возможности измерения количества информации в языковом тексте и вероятности предсказания появления информации³. В работах последователей К. Шеннона его идеи были развиты применительно и к социальным системам. В частности, обращалось внимание на существование так называемой „избыточной информации“. Последнее означает, что некоторая информация может быть предвидена до ее получения. Так, для иллюстрации этого положения исследователи указывали на то, что почти со 100 % вероятностью можно предсказать, что в русскоязычном тексте вслед за сочетанием букв ТЬС появится буква Я⁴.

Такие ресурсы теории информации позволяют применять ее отдельные положения и в исторической науке. Например, в ходе анализа текста источника упоминание в нем о любой прошедшей битве обязательно включает в состав „избыточной информации“ свиде-

тельство наличия некоторого числа человеческих потерь. Для проблемы происхождения славянской письменности подобное положение теории информации может означать, что в текстах „Житий“ присутствует „избыточная информация“ в пользу той или иной версии появления славянской азбуки. Однако ответ не может сводиться к поиску разгадки одного или нескольких недосказанных информационных положений. Скорее, вопрос заключается в наличии во всем тексте „рассеянной“ избыточной информации, смысл которой был более или менее понятный современникам, но затем утраченный потомками. Однако именно эта информация предоставляет возможность восстановить целостное понимание текста и структурировать мировоззренческо-информационное пространство житийных произведений и выйти на конкретный результат.

Использование такой методики позволяет сделать следующие выводы. Хотя моравская азбука предназначалась для удовлетворения, в первую очередь, духовных потребностей населения Великой Моравии, субъективным фактором создания славянской письменности стала философская составляющая мышления и образовательной подготовки Константина. Это было частично связано с господствовавшим в Византийской империи христианским мировоззрением, а частично с тем, что личность, которой приказали записать божественные слова – Константин, оказался высокообразованным и творческим, в рамках средневекового догматического научного мышления, человеком. Симптоматично его определение философии как науки: „Знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу, что учит человека делами быть по образу и подобию сотворившего его“⁵. Как считают исследователи, это во многом эклектическое определение науки, опирающееся на позднеантичные философские компендиумы, своего рода христианизированная античная формулировка⁶. Вместе с тем, показательным то, что в предложенной трактовке Константин опирался как на теологическое, через божественное откровение, видение мира, так и на достижение человеческого разума и человеческой практики. Но второе подчиняется первому, ограничивается рамками веры. В целом же, данное понятие философии отражало состояние научных знаний кирилло-мефодиевского времени. Другое дело, что время жизни Константина пришлось на кризисный для философии этап развития, переходный от патристики к схоластике. Поэтому в историографии достаточно широкий разброс оценок определения Константином философии как науки: от признания его христианизированным античным понятием до отнесения к нарождающейся схоластике⁷.

В плоскости подобного умонастроения поисков соотношения божественного и человеческого лежит причина и первоначального отказа Константина от поездки в Моравию, и причина последующего согласия. Он отказывается, ибо повод собственно человеческий – отсутствие букв для языка моравян. Ведь последствия того, что кто-то попытается записать божьи слова и беседы неизвестно чем и неизвестно на чем, едва ли не водой по воде катастрофические, ведь можно ославить себя как еретика: „Кто может записать на воде, беседу и прослыть еретиком?“⁸. Но и весомым аргументом для начала работы Константина над созданием письменности для моравян стало заявление императора Михаила и его родственника Варды, фактически руководившего делами империи, о возможности получения Константином моравских букв через божественное откровение: „Если захочешь, то может тебе дать Бог, что дает всем, кто просит без сомнения, и открывает стучащим“⁹. Таким образом, из всего этого следует, что поиски новых букв Константин мог вести только в достаточно жестко ограниченных рамках философского подхода его времени к такому явлению как письменность: одновременно и божественному проявлению, и человеческой норме общения.

В литературе достаточно широко распространено представление о длительных работах Константина и его единомышленников над славянской азбукой еще до появления моравских представителей в Константинополе. Поэтому внезапное появление азбуки после „божественного внушения“ объявлялось просто агиографическим шаблоном¹⁰. Однако о том, что это не был „мгновенный акт“, подчеркивается и в „Житие Константина“: Константин вместе с помощниками стал молиться и лишь „вскоре“ (не уточняется через какое время) сложились письмена. Конечно, наличие лиц, „кто были таких же мыслей,

как и они⁴¹¹, может говорить о группе единомышленников, занятых работой над азбукой. Однако ведь самой азбуки они почему-то не создали в результате предполагаемой предшествующей работы, и славянская письменность появилась только после приказа из императорского дворца. Поэтому помощники, скорее всего, непрерывно молились, давая возможность Константину обдумать возможности решения вопроса.

Во многом это был подсознательный процесс, шедший в плоскости поиска путей воплощения божественной воли в нормативную практику письменности. Тексты „Житий“ позволяют говорить, что Константин не руководствовался исключительно интуицией, а опирался, в первую очередь, на полученные им в ходе учебы и жизненного опыта знания, современные ему научные формулировки, известные ему лично примеры, христианские нормы и церковные авторитеты.

Фундамент филологических представлений Константина был прочно заложен еще в детские и юношеские годы, особенно во время обучения в Константинополе. Вероятно, не случайно текст „Жития Константина“ фактически начинается с детского сна Константина, в котором присутствует София (Мудрость) и которую он избирает себе в спутницы жизни. Глубокие светские знания, основанные на греческой традиции, он получил позже: „И в 3 месяца овладел всей грамматикой и за иные взялся науки, научился же и Гомеру, и геометрии, и у Льва, и у Фотия диалектике, и всем философским учениям, а сверх того и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским учениям“⁴¹². Это позволило ему сделать вывод о том, что греки являлись родоначальниками всех наук и знаний. Это подтверждается тем, что Константин четко сформулировал данное положение во время обсуждения с арабами достоинств различных народов, специально подчеркнув, что „ведь все искусства вышли от нас“⁴¹³, то есть греков.

Однако, кроме светских знаний, Константин с детства частично самостоятельно овладевал и теологическими знаниями. Еще мальчишкой он „...взялся за учение, сидя в своем доме, уча на память книги святого Григория Богослова“⁴¹⁴. Со временем авторитет церковных авторов стал для Константина почти непререкаемый. Поэтому для него огромное значение имели высказывания о роли греческого наследия святого Климента, третьего папы Римского, мощи которого Константин отыскал в Херсонесе и частицу которых всегда возил с собой. В „Воспоминаниях Климента“ говорилось о разделении между разными народами нравов и обычаев, законов и знаний. Грекам в этом распределении достались грамматика, риторика и философия¹⁵, то есть науки, непосредственно связанные с письменностью. В данном конкретном случае не имеет значения действительное авторство „Воспоминаний“, главное, что Константин воспринимал их, как и его современники, плодом трудов святого Климента Римского. Древнегреческое наследие византиец-христианин рассматривал как определенную ступень эволюции божественного промысла. Взаимоподтверждение божественной и светской посылки служило для Константина мощным аргументом в пользу греческих корней новой письменности.

Но что не менее важно, у Константина в доморавский период сложилось негативистское отношение к определенному роду письменным знакам, которые появились в результате непосредственной человеческой деятельности. Об этом есть прямые свидетельства в „Житие Константина“. В нем говорится, что во время пребывания в арабском халифате члены византийской миссии, в составе которой был и Константин, увидели дома христиан, которые по распоряжению властей отмечались специальными знаками, воспринятыми византийцами как „кривляющихся и ругающих“. Константин дал христианскую интерпретацию увиденным рисункам, охарактеризовав эти символы в качестве изображения бесов, которые не могут жить в одном доме с христианами и убегают от них. В домах же, на стенах которых нет подобных знаков, враги человечества, демоны, мирно сосуществуют с нехристианами¹⁶.

То есть, в конечном итоге выбор букв письменности для моравян определялся для Константина философской дилеммой. С одной стороны, использование греческого наследия в сфере грамматики и философии, то есть опора на греческий алфавит, а с другой стороны – разрыв традиции, появление кардинально отличных от греческих букв, при отсутствии объяснения этому с позиций именно грамматики и теоретической фило-

софии (богословия по номенклатуре того времени). Ведь для Константина вопрос заключался в таком выборе письменности, которая бы отражала знание и божественное, и человеческое, и при этом, данное дело (письменность) должно было по образу и подобию приближаться к Богу.

Но в избыточной информации содержится еще ряд положений, свидетельствующих о выборе Константином образца для моравской письменности. В первую очередь, это символика креста. Ряд современных славистов разделяют существующую в славянской филологии гипотезу, согласно которой первая буква глаголицы, которая имеет внешнее сходство с крестом, есть непосредственно знак креста, символ Бога¹⁷.

Однако внешнее сходство имеет глубинную основу, конкретно-предметную связь глаголической буквы и вещественного креста, находящуюся как в византийской практике письма, так и в понимании Константином смысла изображения креста. В тексте „Житие Константина“ в описании диалога с Аннием, сторонником иконоборства, низложенным патриархом Иоанном VII Грамматиком, вырисовывается видение Константином сущности креста в христианской жизни. Оно не дано в виде определения, но вытекает из различий между иконой и крестом. Анний стал требовать объяснений, почему не поклоняются разбитому кресту, а подгрудному изображению отдают должное как иконе. В ответах Константина бывшему патриарху крест представлен как исключительно целостное явление, а икона – и целостное, и частичное явление. В кресте утрата одной части ведет к утрате всего образа креста, а изображение на иконе только лица, то есть части, есть, тем не менее, подобием всего целого, то есть подобием первообраза. Анний, в развитие темы, стал подчеркивать, что христиане поклоняются крестам, которые не имеют надписей, в то время, когда есть и другие, с надписями, хотя, одновременно, иконе отдают честь только в случае написания имени личности. Ответ Константина свелся однозначно к тому, что всякий крест образом своим подобен Христову кресту, а иконы не имеют единого образца¹⁸. То есть, крест, в трактовке Константина, восходит непосредственно к божественному началу, носит сакральный характер, а икона является всего лишь делом рук человеческих и не имеет божественного образца.

Но не менее важна для выяснения роли креста в славянской письменности практика употребления знака креста в византийской письменной традиции. В Византийской империи существовало правило написания знака креста перед текстом, которое сохранялось в течение многих столетий и в самой империи, и в землях, зависимых от нее. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки греческих и кириллических надписей со знаком креста перед текстом¹⁹. В „Житие Константина“ есть прямое свидетельство того, что Константин с детства усвоил это правило: запечатлен эпизод о его первом творческом опыте, когда он на стене своей комнаты написал стихотворение, посвященное Григорию Богослову. Перед начальной строкой „Похвалы святому Григорию“ Константин начертал „крестное знамение“²⁰.

Этого правила Константин придерживался и в дальнейшей своей жизни, в частности, в Великой Моравии, когда он занимался обучением детей²¹. Хотя об этом прямого свидетельства нет, но более поздние педагогические труды говорят об употреблении креста в соответствии с давними указаниями. В работе Константина Костянецкого (XV в.) „Разъясненное сказание о буквах“ приведено правило: „Ведь велено нам впереди всех букв в начале азбуки писать знак креста, и не думай, что это – просто так. Ведь и мы в начале жизни сопричастны распятию Христову крещением и погребены будем с крестным знамением. Так и начиная писать Божественные буквы перед всеми ими, подобает поставить крест и сказать: „Кресте, помогай“, как в Апостоле сказано: „Да не позволит мне Господь клясться ничем, помимо креста Господня“. И когда уже выучивались буквы, дети писали „молитву за святых отцов наших“ также в виде креста²².

Понимание исключительно божественной природы креста, поставленного перед любым текстом, выводило его за рамки письменности. Но и отказаться от знака креста в начале текста, согласно усвоенной им византийской традиции, Константин не мог. И точно также не мог поставить крест перед азбукой как символ целого, а затем вновь начать азбуку из глаголического „аз“ в виде креста, то есть из части целого (одной из почти че-

тырех десятков букв). Ведь два креста подряд нивелировали его божественную сущность. Это противоречило его взглядам, ибо приравнивало, фактически, крест к иконе. В системе мировоззрения Константина крест как буква, то есть часть целого, просто не мог функционировать. Еще сложнее Константину было представить крест в качестве знака счета – единицы и далее до девяти, не говоря уже о его включении в двухзначные, трехзначные и так далее цифры.

В состав „избыточной информации“ входят и календарно-хронологические данные. В „Житии Константина“ присутствуют два эпизода, которые внешне выпадают из контекста истории о создании письменности и борьбе за ее сохранение. Речь идет о расшифровке Константином надписей на чаше, сделанной Соломоном из драгоценного камня, находившейся в церкви „Святой Софии“, и спор Константина с евреем в Риме, в ходе которого ему пришлось продемонстрировать хронологические расчеты для доказательства уже свершившегося прихода Христа²³. То есть, в „Житии“ почему-то специально подчеркивалось умение Константина производить сложные хронологические математические операции, которые изучались тогда в курсе арифметики и астрономии. Возможное объяснение может быть связано с несколько иной причиной появления прозвища Константина – Философ, чем это считалось ранее. Ведь в средневековом христианстве философами называли также людей, которые были способны заниматься сложными, как на то время, хронологическими вычислениями для определения дат церковных праздников и хорошо владели их правилами. Как утверждалось в одной из древнерусских рукописей: „Аще который философ навикнет пасхалиям ... и начнет хвалится ... и ты рцы ему сыце: аще горазд еси и философ пасхалиям ..., найди же ми ... в кий день луна небесная настанет и в кий час, ... найди ми, философе, рукою индиктовую пасху евреом и пасху христианом ...“²⁴.

Календарный аспект прозвища Философ присутствовал и при переводе первой церковной книги на славянский язык. По мнению исследователей, то был, скорее всего, краткий апракос с текстами церковных служб на весь год. Не исключена возможность перевода особого типа краткого апракоса, так называемого праздничного. В нем содержались чтения на субботы и воскресенья почти всего литургического года²⁵. И хотя содержание первого переведенного в Византии апрокоса все еще остается невыясненным, оно, как представляется, исходило из порядка чтений служб, принятых в византийской церкви. Ведь вряд ли иной порядок праздничных служб санкционировали бы в Константинополе, где началась работа по переводу книг с греческого языка на моравский язык.

И, хотя система праздников, в целом, существенно не различалась одна от одной ни в Константинополе, ни в Риме, однако уже в IX в. между двумя частями христианского мира обозначились отличия в регламентации годового круга церковных служб, определявшихся датой пасхи. Несмотря на выработанные на первом Вселенском соборе христианских церковью 325 г. в городе Никее единые для всего христианского мира главные правила вычисления Пасхи, сам процесс расчета даты требовал сложных и многоступенчатых арифметических действий. С целью их облегчения в IV в. первые семь букв греческого алфавита были расписаны по дням месяца и соответственно по дням года, начиная с первого дня первого года эры „от сотворения мира“. В итоге, определенная буква оказывалась жестко привязанной ко дню недели. Буква, которая приходилась в текущем году на воскресенье, на востоке христианского мира стала называться „число богов“, на западе – „солнечные эпакты“, а на Руси – „вруцелето“.

К IX в. обнаружилось несколько расхождений в принципах расчетов и соответственно в датах празднования Пасхи в восточных и западных церквях. Во-первых, по разному считали начало эры „от сотворения мира“: в Византии с 5508 г. до н.э., в Риме с 4713 г. до н.э. К тому же, римская церковь пользовалась и эрой от основания Рима, и начала вводить эру от Рождества Христова. Во-вторых, в пределах двадцативосьмилетнего солнечного цикла дополнительный 366-ой день високосного года вводился в разной последовательности: на востоке христианского мира – в 3, 7, 11, 15, 19, 23, 27 годах, а на западе – в 1, 5, 9, 13, 17, 21, 25 годах. В-третьих, в расчетах лунного цикла использовали разные способы нумерации годов. В Риме придерживались александрийского цикла, в котором счет велся от даты прихода к власти императора Диоклетиана – с 29 августа 284 г., а в Византии применяли

сирийский или константинопольский цикл, начинавшийся с дня весеннего равноденствия 249 г. В целом, расхождения между западным и восточным циклами составляли 3 или 16 дней. Кроме того, сохранялись различия календарного порядка, связанные с началом светского года, счетом дней в месяце, использованием букв и цифр в календарных элементах. В итоге указанная совокупность хронологических деталей привела к различиям в церковном календаре и соответственно к различиям в системе постов и праздников византийской и римской церкви²⁶. Определенное подтверждение приверженности Константина и Мефодия византийской системе праздников и постов присутствует в булле папы Стефана V. Обращаясь к правителю мораван Святополку, папа обвинял Мефодия и его учеников в приверженности к византийскому толкованию „символа веры“ и распространению византийской системы постов, которая отличалась от франкской²⁷.

В итоге можно сделать вывод, что в основе славянской церковной службы, привнесенной Константином и Мефодием в Великоморавское государство, лежала византийская грекоязычная система церковных служб, праздников и постов. Да и едва ли можно предположить, что, занимаясь в Константинополе под надзором церковных иерархов первым переводом христианских текстов, Константин и его единомышленники замыслили оторвать церковные службы и праздники новых христиан от колыбели христианства и разорвать религиозное единство новых христиан с главнейшим, в их понимании, церковным центром.

Таким образом, традиционные источники, которые и до настоящего времени сохраняют свою ценность при рассмотрении вопроса о создании славянской письменности, содержат достаточное количество избыточной информации, чтобы служить дополнительным аргументом в пользу первичности кириллицы. Для образованного представителя византийского общества работа над славянской азбукой была возможна в нормативных рамках позитивного понимания древнегреческого философского наследия, в том числе и греческой письменности, в качестве следующей ступени божественного откровения. В противоположность этому жизненная практика сформировала у Константина негативистское отношение к самостоятельно изобретенным знакам. Христианско-философскую основу имело у Константина и обоснование сакральной целостности креста, с вытекающей отсюда смысловой нагрузкой при использовании перед текстами. Как избыточная информация, предоставляющая данные для календарной составляющей процесса создания новой письменности для мораван, присутствуют в тексте „Жития Константина“ хронологические вычисления. В конечном итоге, для Константина воспринявшего византийскую христианскую и философскую картину мира, единственно приемлемой основой письменности мораван мог быть греческий алфавит, что и предопределило создание им той азбуки, которая стала известна как кириллица.

¹ Демин, О. Б. „Мы пришли дать вам слово“. Кирилл и Мефодий в истории славянской культуры. Одесса, 2003; Дьомін, О. Б. Християнські реалії Візантії середини ІХ століття та виникнення слов'янської писемності. – Історія в школах України, 2007, № 7, с. 47–49; Дьомін, О. Б. Херсонес та „Руські письмена“ в контексті творення слов'янської писемності Кирила та Мефодія. – В: Записки історичного факультету Одеського національного університету. Одеса, 2007, вип. 18, с. 129–135; Демин, О. Б. Византийский христианский и календарный контекст деятельности Константина Философа: мог ли он создать глаголицу? – В: Древнее Причерноморье. Одесса, 2008, вып. 8, с. 119–126; Демин, О. Б. Биография как доказательство: к истории создания славянской письменности. – В: Curriculum vitae. Гуманітарний метод у гуманітарному знанні. Одеса, 2009, с. 35–39; Демин, О. Б. Византийская философия и создание Кириллом и Мефодием славянской письменности: взгляд историка. – В: Медієвістика. Одеса, 2009, вип. 5, с. 61–68; Демин, О. Б. Раннесредневековые европейские конфессионально-культурные реалии и создание славянской письменности. – В: Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Чернігів, 2009, вип. 73, серія: історичні науки, № 6, с. 3–7.

² Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963, с. 667–668.

³ Там же, с. 669–686.

⁴ Седов, Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем. – В: Общественные науки и современность. М., 1993, № 3, с. 93.

⁵ Житие Константина. – В: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 73.

⁶ Флоря, Б. Н. Комментарии к Житию Константина. – В: Сказания..., с. 109–110.

⁷ *Пейчев, Б.* Кирилово определение на философията. – В: Константин-Кирил Философ. София, 1969, с. 71–72; *Велчев, В.* Делото на славянския просветител Константин-Кирил Философ в историята на културата. – В: Константин-Кирил Философ. София, 1971, с. 232–245.

⁸ Житие Константина, с. 87.

⁹ Там же.

¹⁰ *Флоря, Б. Н.* Комментарии к Житию Константина. – В: Сказания..., с. 127.

¹¹ Житие Мефодия. – В: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 97.

¹² Житие Константина, с. 72–73.

¹³ Там же, с. 76.

¹⁴ Там же, с. 72

¹⁵ *Демин, О. Б.* „Мы пришли дать вам слово“..., с. 60.

¹⁶ Житие Константина, с. 75; *Демин, О. Б.* „Мы пришли дать вам слово“..., с. 42, 59.

¹⁷ *Степанов, Ю. С.* Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры. – Вопросы языкознания, 1991, № 3, с. 27, 34.

¹⁸ *Демин, О. Б.* „Мы пришли дать вам слово“..., с. 37–39.

¹⁹ *Заимов, Й.* Битольская надпись болгарского самодержца Ивана Владислава 1015–1016 гг. – Вопросы языкознания, 1969, № 6, с. 124–129; *Заимов, Й.* Битолски надпис на Иван Владислав самодержец български. София, 1970, с. 15–16; *Белый, А. В., Э. И. Соломоник.* Утерянная и вновь открытая мангупская строительная надпись. – Нумизматика и эпиграфика, XIV, 1984, с. 170–175.

²⁰ Житие Константина, с. 72.

²¹ Житие Константина, с. 87.

²² *Костенецкий, К.* Разъясненное сказание о буквах. – В: Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX – XVIII веков. М., 1990, с. 156–157.

²³ Житие Константина, с. 86, 91.

²⁴ Цит. по: *Климишин, И. А.* Календарь и хронология. М., 1985, с. 263–265.

²⁵ *Верецагин, Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971, с. 14–16.

²⁶ *Демин, О. Б.* Византийский христианский и календарный контекст деятельности Константина Философа..., с. 119–122.

²⁷ *Флоря, Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха. – В: Сказания..., с. 45.